

ЗАКОН АБСУРДА

Погасий Анатолий Кириллович¹, Тимофеев Егор Викторович²

¹)Казанский (Приволжский) федеральный университет

+79046635637

²)Казанский (Приволжский) федеральный университет, аспирант

+789050384107

Аннотация.

Законодательство Российской Федерации, призванное регулировать общественные отношения в сфере свободы совести, деятельности религиозных объединений и государственно-конфессиональных отношений, постепенно перестает выполнять свои основные функции вследствие снижения качества подготовки и принятия нормативных актов. В частности, это выражается в нечеткой, размытой формулировке положений законов, ставшей возможным потому, что законодатель зачастую не находит нужным привлечь к работе профильных специалистов, например, религиоведов и юристов, специализирующихся в религиозном правоведении. В результате правоприменители начинают произвольно толковать законы, исходя из своих собственных, зачастую искаженных, представлений о религии.

Ключевые слова.

Религия, закон, законодатель, правоприменитель, свобода совести, религиозное объединение.

Историческое значение Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25.10.1990 г. в том, что он вернул религиозную сферу в правовое поле и двинул все связанные с ней процессы. Этот нормативный акт, конечно, несовершенен, но мы не будем обсуждать его положительные и отрицательные стороны. Впоследствии власти усмотрели в нем пробелы, на их взгляд мешающие надлежащему регулированию государственно-конфессиональных отношений, в результате чего в 1997 г. родился другой закон – «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Со времени обсуждения и принятия и до сего дня не прекращаются политико- и религиоведческо-правовые споры по поводу многочисленных недочетов в законе, позволяющих произвольно толковать некоторые его положения настолько, что зачастую искажалась сама идея свободы совести и вероисповедания. Эти недочеты и стали поводом и основой для дальнейшей (на наш юристов и религиоведов взгляд) деградации законодательства о свободе совести.

Началось все, как говорится, «от печки» – с Преамбулы, где законодатель фактически установил четыре «титульные» религии. На многочисленные запросы специалистов по этому поводу разработчики закона отвечали, что, дескать, вы, специалисты, выдумываете проблемы. Преамбула не имеет силы закона поэтому равенство конфессий соблюдено. Здесь, вероятно, навсегда останется без ответа вопрос: авторы действительно не понимали, что правоприменители буквально истолкуют упоминание о четырех религиях как констатацию факта признания их государством главенствующими, или же это сознательный психологический трюк, направленный на дальнейшее развитие идеи государственных религий?

К сожалению, прогнозы оказались верными: вот уже больше 20 лет на этой почве возникают конфликты с властями по поводу других, не упомянутых в Преамбуле, конфессий, причем чиновники ссылаются именно на нее как на закон и никакие доводы не действуют.

Следующая проблема – введение понятия «территориальная сфера деятельности религиозной организации» (ч. 2 и 7 ст. 8). Рассматривая религиозную организацию как юридическое лицо, гражданское законодательство не содержит каких-либо ограничений по территориальному признаку. Если же – как объединение граждан для совместного исповедания и распространения веры, то конфликт происходит со ст. 28 Конституции РФ, гарантирующей каждому свободу вероисповеданий независимо от места жительства и пребывания. Также это противоречит международным нормам, в частности, Международному пакту о гражданских и политических правах,

ст. 19 которого гласит: «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу... распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от *государственных границ*».

Положение о территориальной сфере деятельности закономерно реализовалось в законе от 24.06.2016 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» в части возможности проведения миссионерской деятельности только в рамках территориальной сферы деятельности религиозной организации.

Далее, в качестве примера неконкретной и размытой формулировки закона, позволяющей произвольное его толкование, можно привести ст. 14 – «Приостановление деятельности религиозного объединения, ликвидация религиозной организации...». Здесь мы имеем целый букет противоречий и некорректных формулировок. К примеру, в абзаце 3 п. 1 (ликвидация по решению суда в случае *грубых* нарушений закона) не определено понятие «грубые нарушения». Или использование *гипноза* в деятельности организации: кто определит, использовался ли гипноз?

И так далее, и тому подобное...

Есть ли смысл говорить о «Законе Яровой» и последствиях его реализации? Наверное, есть, учитывая более 200 судебных процессов, половина из которых инициирована на основе незнания либо произвольного толкования закона сотрудниками соответствующих служб, а то и просто провокаций. Однако, полагаю, об еще этом будут говорить и писать. Автора же этой статьи заинтересовал другой нормативный акт – ст. 65.1 ГК РФ – «Корпоративные и унитарные юридические лица».

Попытки понять и применить этот закон к жизни до сего дня ни к чему не привели. В связи с этим возникает закономерный вопрос: зачем была

введена эта норма и что она дает государству и религиозным организациям, кроме путаницы, напряженности в умах и в отношениях?

Посудите сами.

Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», регулирующий религиозную сферу, изначально провозгласил и зафиксировал понятие независимости *внутренних установлений* религиозного объединения, согласно которого религиозное объединение создается и осуществляет свою деятельность в соответствии со своей собственной иерархической и институционной структурой (п. 5 ст. 4 и ст. 15). Одним из давних, традиционно сложившихся элементов внутренних установлений явился институт членства, который в принципе определяет структуру организации: члены – лица, обладающие правом решающего голоса; прихожане (участники) – лица, которые таким правом не обладают. Порядок приобретения членства и выхода из него решался каждой общиной самостоятельно.

Учредители религиозной организации (10 человек, поскольку именно такой минимум определил законодатель) формируют из своего числа органы управления, контроля и т.п., а затем, после государственной регистрации, теряют статус учредителей и становятся *членами* организации.

Конечно, во всех государственных учетах они продолжают числиться *учредителями* (срабатывает стереотип – алгоритм, принятый при регистрации коммерческих и некоммерческих организаций, где учредитель стоит как бы *над* организацией). И хотя в случае с религиозными объединениями данное положение бессмысленно (бывшие учредители уходят, умирают и т.п. и никто не требует их замены, как это требуется в коммерческих организациях), на религиозной деятельности этот никак не отражается.

Однако в религиозной организации есть одна особенность: в Библии, сказано, что создателем («учредителем») церкви является сам Иисус Христос: «Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр

отвечая сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живого. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты – Петр¹, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16:15-18). И дальше: «Ибо, как в одном теле у нас много членов, ... так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены» (Рим. 12:4-5). Таким образом, согласно библейской традиции учредители конкретной религиозной организации не могут быть выше остальных ее участников, но равны между собой перед единственным Учредителем – Богом, независимо от должности, сана и т.п.

Так было много лет и никаких вопросов не возникало. Однако 05.05.2014 г. Федеральным законом № 99-ФЗ в Гражданский кодекс РФ была введена ст. 65.1 – «Корпоративные и унитарные юридические лица», согласно которой религиозные организации отнесены к категории «унитарные юридические лица». Что такое «унитарные» по отношению к религиозным организациям не совсем понятно, вернее, совсем непонятно: чем они в этом плане отличаются от общественных организаций, которые, согласно той же статье, относятся к *корпоративным* юридическим лицам?

В соответствии с ч.2 п.1. вышеуказанной статьи учредители религиозной организации не становятся ее участниками и не приобретают права членства, что само по себе абсурдно и, более того, выходит за пределы ФЗ № 125 «О свободе совести и о религиозных объединениях», который не содержит таких требований к учредителю.

Этим же законом № 99-ФЗ в ГК была введена еще одна статья – 123.27, в п. 3 которого говорится, что «учредитель (учредители) религиозной организации может выполнять функции органа управления или членов коллегиального органа управления данной религиозной организации». Эту *сомнительную* (по словам одного из комментаторов статьи) возможность

¹πέτρος (греч.) – камень. Однако, исходя из библейского контекста, Иисус назвал Симона, скорее, «скала» (πέτρα – скала), на которой Он и построил Свою Церковь.

законодатель предлагает применить в порядке, предусмотренном в соответствии с «Законом о свободе совести и о религиозных объединениях», уставом религиозной организации и ее внутренними установлениями. Однако закон на тот момент не содержал возможности передачи функций органа управления или членов коллегиального органа управления учредителю или их группе, и проблема повисла в воздухе. 06.04.2015 г., как бы спохватившись, законом № 80-ФЗ это положение было продублировано в ст. 8 закона о свободе совести, чем еще больше усложнило ситуацию.

Тем не менее, ст. 12 определяет, что религиозной организации может быть отказано в государственной регистрации, в случае если ее устав и другие представленные документы не соответствуют требованиям законодательства РФ или содержащиеся в них сведения недостоверны. Следовательно, в уставе религиозной организации не может содержаться положение, дающее возможности безосновательной замены компетенции избранных и функционирующих органов управления религиозной организации *волеизъявлениями учредителей*, поскольку это может породить конфликт интересов и, в конечном счете, прекращение деятельности религиозной организации². Тем более что внутренние установления религиозных организаций (как и закон № 125-ФЗ от 26.09.1997 г.) не предусматривают какого-либо верховенства учредителей над остальными участниками.

В конечном итоге, и законодатель, и правоприменители так запутались в хитросплетении правового положения и полномочий учредителя, что ситуация зашла в тупик: с одной стороны, учредитель (которого по внутренним установлениям религиозной организации после регистрации там попросту нет) не может быть членом религиозной организации, с другой – имеет право вмешиваться в деятельность органов управления.

² Комментарий к статье 123.27 ГК РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ogkrf.ru/st123.27> (дата обращения 09.02.2017).

Следующей порожденной данным законом проблемой, имеющей уже не столько правовую, сколько психологическую природу, является сходство терминов «унитарные юридические лица» и «унитарные предприятия», упоминаемых в одной статье. Унитарные предприятия не имеют членства, но состоят из *работников*. Некоторые правоприменители по аналогии считают, что религиозные организации также не должны иметь членства, поскольку числятся «унитарными». Например, Управление Министерства юстиции РФ по Республике Татарстан при регистрации требуют, чтобы из устава убрали понятия «члены» и «участниками», а заменили их чем-нибудь другим, например, «прихожане». Видимо думая, что все вышеперечисленные понятия относятся к одному синонимическому ряду. При этом никакие объяснения не принимают, полагая, что именно это имел в виду законодатель (который, кстати, так и не дал комментариев по поводу введенного им понятия).

В других регионах, по слухам, существуют аналогичные проблемы с толкованием.

Создается впечатление, что все вышеприведенные положения попали в законодательство по досадной случайности или, что еще печальнее, по злему умыслу. Но, представляя себе природу нашего человека (а законотворцы – просто люди), представляется, что принимая законы, депутаты Государственной Думы настолько уверены в своей универсальной компетенции, что не считают нужным советоваться с юристами, а уж тем более – с религиоведами.

Остается ожидать, что законодатель хоть как-то прокомментирует эти, зачастую выходящие за рамки здравого смысла, законы. А еще лучше – когда он их отменит...

Однако на сегодняшний день мы наблюдаем картину, прямо противоположную нашим ожиданиям.

30 июля 2018 г. на сайте Госзакупок Государственная Дума разместила заказ с бюджетом 4 млн рублей на подготовку экспертно-аналитического исследования по теме «Совершенствование

законодательного регулирования защиты прав граждан от противоправных действий сект и экстремистских религиозных организаций». В техническом задании значится: «Оценка целесообразности включения в законодательство понятий «секта», «деструктивный культ». 4 сентября 2018 г. по непроверенным данным исполнителем выбран РАНХГС.

На самом деле неважно, кого выберут на этот контракт. Важно, что исполнитель ввязывается в неблагодарное и весьма сомнительное предприятие. Дефиниции терминов «секта» и тем более – «деструктивный культ» сформулировать попросту невозможно ввиду неопределенности критериев оценки данных понятий (см.: Прилуцкий А.М., Погасий А.К. Понятие «секта»: основные значения и правомерность употребления// Религиоведение . – 2006 . - № 1 . – С. 164-170). Любое такое определение априори будет субъективным, а, следовательно, ненаучным. Ссылка на различные старые и современные словари, где присутствует слово «секта», несостоятельна, ибо их дефиниции подходят к неопределенному и неограниченному кругу социальных, политических или религиозных групп. Именно поэтому возникла необходимость еще в одном, «научном», определении, которое, к сожалению, понадобится лишь для искусственного отбора «правильных» религиозных (и не только!) объединений.